

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-95-118>

Научная статья / Research article

Судьбы деятелей просвещения Башкирской АССР в годы борьбы с «буржуазным национализмом» (1937–1938 гг.)

Р.З. Алмаев

Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы;
450000, Россия, Уфа, ул. Октябрьской революции, 3 а; almaev_history@mail.ru

The Fate of Educators in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic During the Struggle Against “Bourgeois Nationalism” (1937–1938)

Rustam Z. Almaev

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah;
3 a, Oktyabrskoy Revolyutsii St., Ufa, 450000, Russia; almaev_history@mail.ru

Аннотация: В данной статье на материалах Башкирской АССР (БАССР) рассматриваются особенности политических репрессий 1937–1938 гг. в сфере народного образования. Привлекаемые новые архивные документы, материалы периодической печати, воспоминания современников позволяют осветить региональную специфику репрессий в контексте общих политических процессов эпохи сталинизма. Особое внимание уделяется освещению основных механизмов выявления «врагов народа» в сфере просвещения. Делается вывод об определенной синхронности в действиях Башкирского обкома партии, СМИ, партийных комитетов образовательных учреждений, органов НКВД при разоблачении «враждебных элементов», троцкистов из числа руководителей просвещения, специалистов высшей школы, учителей. В этой связи раскрывается роль средств массовой информации и решений закрытых партийных собраний, проникнутых духом идеологической нетерпимости, в деле морально-психологической подготовки оправдания правомерности арестов. В статье показано, что в автономных республиках в качестве основного было обвинение региональных руководителей и представителей интеллигенции в проявлении «местного буржуазного национализма». Автором прослеживается процесс очищения партийно-государственных, просвещенческих органов республики от «националистов», прямо или косвенно связанных с представителями «национально-местнических уклонов» первых революционных лет. Кроме того, показывается судьбы жертв репрессий – наркомов просвещения БАССР, защищавших интересы национальных школ и выступавших за сохранение родного языка. Реконструкция сложной общественно-политической ситуации в Башкирской АССР в просвещенческой среде дает возможность извлечь уроки, лучше понять современные общественно-политические процессы.

© Алмаев Р.З., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: репрессии, просвещенцы, народное образование, Башнаркомпрос, Башкирская АССР, контрреволюционная деятельность, троцкизм

Для цитирования: Алмаев Р.З. Судьбы деятелей просвещения Башкирской АССР в годы борьбы с «буржуазным национализмом» (1937–1938 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 95–118. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-95-118>

Abstract: This article discusses the political repressions of 1937–1938 in the field of public education, with the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic as its case study. The author assembles new archival documents, mass media materials and memoirs of contemporaries to illuminate the regional specifics of repression in the broader context of the Stalinist era. Particular attention is paid to how “enemies of the people” were identified. The author argues that the Bashkir Regional Party Committee, the media, and the party committees of educational institutions, as well as the organs of the NKVD worked in unison to expose “hostile elements” and Trotskyists among directors of educational institutions, specialists in higher education, and public school teachers. The media, as well as the decisions of closed party meetings, were imbued with the spirit of ideological intolerance; they provided the moral and ideological justification for the arrests. This article traces a trend that was characteristic of national autonomous republics in general: the persecution of regional leaders and members of the national intelligentsia on charges of “local bourgeois nationalism.” The author also examines how purges in the party, state and educational bodies of the republic targeted “nationalists” directly or indirectly associated with “national and local deviationists” of the revolutionary years. The article also discusses the fate of Bashkortostan’s People’s Commissars of Education who were subjected to repression. Reconstructing the complex social and political situation in the educational sphere of the BASSR allows us to draw important conclusions, and better understand contemporary social and political processes.

Keywords: repressions, education workers, public education, Bashkir People’s Commissariat of Education, Bashkir ASSR, Trotskyism

For citation: Almaev, Rustam Z. “The Fate of Educators of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic During the Struggle Against ‘Bourgeois Nationalism’ (1937–1938)” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 1 (February 2020): 95–118. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-95-118>

Введение

К одному из сложных и трагических этапов советской истории относятся 1930-е гг. Время, связанное с проведением «культурной революции» и патриотическим воспитанием молодежи, сопровождалось нагнетанием атмосферы подозрительности, поиском врагов народа, шпиономанией. Борьба за очищение страны от внутренних врагов напрямую затронула национальные республики. Знание исторического контекста политических репрессий в регионах страны позволяет выявить их социальную и национальную специфику.

Советский образовательный проект позволил за короткое время подготовить многонациональные кадры Башкирской АССР в сфере науки, образования, литературы и искусства. Однако определенная часть советской интеллигенции оказалась жертвой политических репрессий.

Социологические опросы последнего десятилетия свидетельствуют об устойчивом падении интереса в российском обществе к теме политических репрессий 1930-х гг.¹ Кроме того, приходится констатировать факт слабой историче-

¹ Шарин М.С. Политические репрессии в СССР в 30–40-е гг. XX века глазами современного российского общества. Опыт социологического опроса // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 1. С. 117–120.

ской осведомленности современной молодежи о процессах предвоенных лет. Согласно октябрьскому опросу ВЦИОМ 2018 г. 47 % молодых людей в Российской Федерации не имеют никакого представления о репрессиях периода сталинизма². При этом растет число респондентов среднего и старшего возрастов, позитивно оценивающих роль И.В. Сталина в советской истории.

В условиях информационного общества все большее число школьников, изучая историю, обращаются не только к учебникам и книгам, но и кинофильмам и телевизионным сериалам, которые зачастую отличает авторская, нарочито вымышленная интерпретация событий. В этой связи стремлением к документальности отличается художественный фильм режиссера Булата Юсупова, вышедший в прокат к 100-летию образования Республики Башкортостан, в марте 2019 г. «Первая республика»³. Фильм, созданный на основе архивных документов и воспоминаний, воссоздает атмосферу сталинских репрессий 1937 г.

Ослабление уровня исторического образования и искажение исторической памяти грозят стиранием исторического сознания. Воспитание патриотизма и гражданственности невозможно без знания и осмысления исторических событий.

Еще одним фактором, повышающим актуальность исследования, является недостаточная изученность в региональной историографии темы репрессий в системе народного образования республики. В данной статье на основе комплекса опубликованных и неопубликованных источников и исследований отечественных и зарубежных ученых предполагается выявить особенности политических репрессий 1937–1938 гг. в сфере народного образования в Башкирской АССР. Это позволит проанализировать региональную специфику репрессий в контексте общих тенденций политических процессов эпохи сталинизма, осмыслить глубину трагедии сломанных человеческих судеб просвещенцев.

Среди современных исследователей истории политических репрессий в СССР 1930-х гг. не сложилось общепризнанного подхода к изучению данной проблематики. Используются различные методологические подходы, начиная от теории тоталитаризма, «сталинского социализма» до «советской модели модернизации». Сторонники последнего подхода относят политические репрессии к издержкам ускоренной модернизации.

Следует согласиться с утверждением В.М. Кириллова о том, что «различия в подходах и оценках сталинизма не привели наше общество к национальному примирению»⁴, а ученых – к объективному осмыслению политических процессов предвоенного десятилетия. Между тем проблема политических репрессий

---

² ВЦИОМ: половина молодежи в России ничего не знает о сталинских репрессиях // Интернет-газета «ЗНАК» [сайт]. URL: https://www.znak.com/2018-10-05/vciom_polovina_molodezhi_v_rossii_nichego_ne_znaet_o_stalinskih_repressiyah (дата обращения: 11.07.2019).

³ Учебник вместо фильма: в уфимский прокат выходит «Первая республика» Булата Юсупова // Все новости Уфы и Башкирии [сайт]. URL: <https://mkset.ru/news/culture/07-03-2019/uchebnik-vmesto-filma-v-ufimskiy-prokat-vyhodit-pervaya-respublika-bulata-yusupova?ind=4376> (дата обращения: 14.04.2019).

⁴ Кириллов В.М. История сталинизма в школьных учебниках истории // Детская книга и история отечества: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Тагил, 19 мая 2016 г.). Нижний Тагил, 2017. С. 84–91.

1937–1938 гг. достаточно активно изучается в отечественной историографии начиная с середины 1980-х гг. и по настоящее время. Различные аспекты политических репрессий в общероссийском масштабе отражены в публикациях отечественных⁵ и зарубежных⁶ исследователей.

Один из наиболее дискуссионных вопросов, обсуждаемых в отечественной и зарубежной литературе, связан с оценкой роли И.В. Сталина в большом терроре. В ряде работ традиционно акцентируется внимание на личной ответственности вождя за развязывание репрессий⁷. Согласно концепции либеральных исследователей, причина первой волны арестов была связана с готовившимся заговором против И.В. Сталина. Репрессии в первую очередь инициировались Н.С. Хрущевым, П.П. Постышевым, Р.И. Эйхе⁸. Определенный интерес представляет точка зрения американского советолога А. Гетти⁹ и российского историка Ю.Н. Жукова. Исходя из идеи «о либерализме Сталина», они доказывают факт развязывания репрессий лидерами региональных элит, которые при недостаточном контроле со стороны центральной власти защищали собственные политические интересы, направляя террор против «врагов народа».

С этим не согласен известный российский исследователь О.В. Хлевнюк, по мнению которого партийно-советская номенклатура была достаточно слабой, а историки ревизионистского направления, по его мнению, не учитывают «феномена кадровой чистки 1930-х гг.»¹⁰.

Из трудов современных зарубежных исследователей, посвященных профессиональной группе учителей 1930-х гг., следует выделить книгу американского ученого Е. Томаса Юинга. Автор, описывая особенности труда и повседневную жизнь учителей, отмечает, что каждый представитель педагогической профессии этой эпохи «на вопрос, как реагировать на репрессии, решал сам, в соответствии со своим пониманием роли педагога и политическими взглядами»¹¹.

⁵ Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД, советское общество. М., 1992; Павлова И.Н. «Понимание сталинской эпохи и позиция историка» // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 3–18; Багдасарян Э.В. «Загадочный тридцать седьмой»: опыт историографического моделирования // Историография сталинизма. М., 2007. С. 172–206; Земсков В.Н. Масштаб политических репрессий в СССР (правда и домыслы). М., 2012. С. 303–318.

⁶ Фицпатрик Ш. Как мыши kota хоронили. Показательные процессы в сельских районах СССР в 1937 г. // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 387–415; Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М., 2006; Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010; Голдман В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина: Социальная динамика репрессий. М., 2010.

⁷ Хлевнюк О.В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии // Историческая наука и образование на рубеже веков. М., 2004. С. 433–451; Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2010.

⁸ Жуков Ю.Н. Иной Сталин: Политические реформы в СССР в 1935–1937 гг. М., 2003; Баранец В.М. «Не надо вешать всех собак на Сталина» // Комсомольская правда. 2006. 22 декабря.

⁹ Американский советолог Арч Гетти о роли Сталина // Live Journal [сайт]. URL: <https://amarok-man.livejournal.com/270376.html> (дата обращения: 15.07.2019).

¹⁰ Хлевнюк О.В. Номенклатурная революция: региональные руководители в СССР в 1936–1939 гг. // Российская история. 2016. № 5. С. 38.

¹¹ Юинг Е.Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. М., 2011. С. 247.

Заметный вклад в изучение репрессивной политики государства на местах внесли региональные исследователи. Среди публикаций 90-х гг. XX в. – начала XXI в. следует отметить публикации, выполненные на материалах Республик Татарстана¹², Дагестана¹³, Мари Эл¹⁴, Калмыкии¹⁵ и др.

Особую группу представляют исследования, посвященные политическим репрессиям в Башкирской АССР. До начала 1990-х гг., в силу недоступности архивных фондов, тема «большого террора» не могла стать специальным предметом изучения. Одним из первых среди исследователей республики к проблеме репрессий обратился Г.Д. Иргалин, который, будучи директором Центрального государственного архива общественных объединений Республики Башкортостан в 1985–1999 гг., в соавторстве с коллегами подготовил несколько документальных очерков и публикаций о судьбе известных партийно-государственных и общественных деятелей Башкирии и малоизвестных людей, ставших жертвами сталинских репрессий¹⁶. Данные исследования позволили вернуть истории «забытые имена», показать механизм и размах репрессий в республике после визита в октябре 1937 г. в Башкирию секретаря ЦК А.А. Жданова.

Планомерная работа комиссий по реабилитации жертв политических репрессий в 1990-е гг. способствовала появлению широкого круга научно-популярных и публицистических изданий. Среди них – работа башкирского прозаика и драматурга Г.Г. Шафикова («И совесть и жертвы эпохи» (Уфа, 1991)), в которой воссоздаются образы реабилитированных деятелей культуры и некоторых государственных деятелей республики.

Проблема раскулачивания и репрессивной политики по отношению к крестьянству Башкирской АССР рассмотрена в монографии Р.А. Давлетшина¹⁷. Заметный вклад в накоплении знаний о жизни и деятельности известных просветителей республики, подвергшихся репрессиям в 1930-е гг., внес краевед Ю.В. Ергин¹⁸. В работах современных авторов получила освещение история III-го пленума Башобкома ВКП(б) (4–7 октября 1937 г.) и его последствия для роста масштабных

¹² Султанбеков Б.Ф., Хакимзянов Р.Г. Политические репрессии в Татарстане. Законы. Исполнители. Реабилитация. Казань, 2002.

¹³ Разаков Р.Ч.-М. К вопросу о политических репрессиях в Дагестане в 30-е годы XX века // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2016. № 4. С. 60–63.

¹⁴ Сануков К.Н. Из истории Марий Эл: трагедия 30-х годов. Йошкар-Ола, 2000.

¹⁵ Максимов К.Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М., 2004.

¹⁶ Иргалин Г.Д. Сталинские репрессии в Башкирии // Страницы истории Башкирской республики: новые факты, взгляды, оценки. Сборник статей. Уфа, 1991. С. 55–69; Иргалин Г.Д., Асабин Е.П. Возвращенные имена: О репрессированных в годы культа личности Сталина в Башкирии. Уфа, 1991; Иргалин Г.Д., Каменев Н.П. Трудный путь к правде. Уфа, 1997; Иргалин Г.Д. Политические репрессии в Башкирии // Известия Башкортостана. 1996. № 84, 86, 89, 90, 91, 94, 95.

¹⁷ Давлетшин Р.А. «Великий перелом» и трагедия крестьянства Башкортостана. Уфа, 1993.

¹⁸ Ергин Ю.В. Ш.С. Абзанов – жертва тоталитарного сталинского режима // Педагогический журнал Башкортостана. 2007. № 4 (11). С.75–90; Ергин Ю.В. Расстрелянный нарком (К 115-летию со дня рождения Г.К. Давлетшина) // Педагогический журнал Башкортостана. 2008. № 6 (19). С. 108–123; Ергин Ю.В. А.Т. Гисматуллин – нарком просвещения Башкирской республики в 1926–1928 годах // Педагогический журнал Башкортостана. 2010. № 5 (30). С. 159–168.

репрессий в республике¹⁹ и судьбы известных представителей национальной интеллигенции²⁰. Источниковую базу исследования составили документальные материалы Национального архива Республики Башкортостан, периодической печати и источники личного происхождения. Обширные сведения по исследуемой теме (в том числе рассекреченные личные документы репрессированных деятелей просвещения) содержатся в фондах Башкирского обкома ВКП(б), первичной партийной организации ВКП(б) Башнаркомпроса при Кировском райкоме ВКП(б), Уфимского городского комитета ВКП(б), областного комитета комсомола республики. Особую ценность представляют воспоминания представителей национальной интеллигенции, находившихся в сталинских лагерях²¹.

Автором использованы также материалы «устной истории», включающие в себя записи бесед с участниками трагических событий 1930-х гг.

Годы «большого террора» в Башкирской АССР

Репрессивная политика государства в республиках и автономных областях РСФСР и СССР продолжалась до второй половины 1930-х гг. Башкирская АССР не составляла исключения. Репрессии направлялись, в первую очередь, против кулачества и старой интеллигенции. Данные, характеризующие масштабы репрессий в республике, показывают, что именно в 1937–1938 гг. они приобретают массовый характер. Особенно сильно пострадали наркоматы просвещения, земледелия, юстиции, финансов, прокуратура и другие учреждения. Репрессиям подверглись многие руководители народного образования, директора институтов, училищ, учителя.

Выступление И.В. Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г., в котором было сказано об обострении классово-борьбы по мере продвижения к социализму, определило курс на осуществление репрессий в стране. В частности, в Башкирии старт «большому террору» дал приезд в августе 1937 г. члена Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) М.М. Сахьяновой. Целью визита была проверка бдительности партийных кадров по отношению к враждебным элементам и организация работы по их разоблачению. В докладных записках М.М. Сахьяновой на имя Сталина и Ежова, а также в отдел организационно-партийной работы ЦК ВКП(б) на имя Маленкова содержались обвинения в адрес руководства Башкирского обкома в «замазывании» сигналов о врагах народа и требование проверки всего руководящего состава республики²².

¹⁹ *Гарипова Г.* Масштабы репрессий в Башкортостане в 30-е годы // Ватандаш. 2002. № 2. С. 41–44; *Янтурин Д.Х.* Массовые репрессии второй половины 30-х гг. в автономиях Урало-Поволжья // Ватандаш. 2004. № 1. С. 53–67; *Кузнецов С.В.* Некоторые страницы репрессий 1930-х годов в Башкирской АССР // Вестник ВЭГУ. 2011. № 6. С. 87–92.

²⁰ *Каримов К.К.* Репрессии ученых в БАССР в 30-е годы XX века // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 1. С. 259–261; *Воронцова Ю.С.* Социально-политический облик гуманитарной интеллигенции Башкирской АССР в 30-е годы XX века // Научный диалог. 2016. № 3 (51). С. 171–181.

²¹ *Азнабаев К.К.* Все выдержал... и в народ свой верю // Урал. 1989. № 1. С. 158–167; *Азнабаев К.К.* Страницы истории // Башкортостан. 1995. 15 ноября; *Алмаев Р.З.* Воспоминания К.К. Азнабаева как источник по истории народного образования Башкортостана // На изломе XX века: сборник воспоминаний. Уфа, 2008. С. 9–14.

²² *Иргалин Г.Д.* Трудный путь к правде. Уфа, 1997. С. 5.

Выполнение разнарядки центра по разгрому определенной части партийно-государственного аппарата Башкирии происходит после проведения III Пленума Башкирского обкома ВКП(б). Активную роль в его проведении сыграл лично секретарь ЦК А.А. Жданов. Фактически это был не Пленум, а суд над секретарями Башобкома ВКП(б) Я.Б. Быкиным и А.Р. Исанчуриным. На заседании Пленума из 63 членов Обкома ВКП (б), избранных на XVII областной конференции 12 июня 1937 г., присутствовало лишь 30 человек²³. После Пленума аресту подверглись 274 руководящих работника республики²⁴. Тем самым решения февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. предвлялись в жизнь. Так, М.М. Сахьянова, А.А. Жданов инициировали политические процессы не только в Башкирии. Сахьянова способствовала уничтожению части партийно-советской номенклатуры в Чувашской АССР, Жданов – в Татарской АССР.

Ответственный редактор республиканской газеты «Башкортостан» К.К. Азнабаев, сам переживший ужасы репрессий, впоследствии вспоминал: «Некоторые номенклатурные работники, включая руководителей народного образования, репрессировались постановлением тройки НКВД БАССР. Но основная масса региональной элиты подверглась расстрелу в июле 1938 года. Судебные приговоры исполнялись после прибытия в Уфу заместителя председателя Военной коллегии Верховного суда СССР И.О. Матулевича. Каждый судебный процесс длился не более 3-х минут. Приговор обжалованию не подлежал и немедленно приводился в исполнение. В течение 10 дней истребляется практически весь руководящий состав и многие деятели просвещения»²⁵.

Для представителей национальных элит и творческой интеллигенции преобладали обвинения в «буржуазном национализме», «пантюркизме», на основании их участия в контрреволюционном башкирском повстанческом движении. Кроме того, руководителям различных наркоматов и ведомств инкриминировали, как и по всей стране, членство в троцкистско-бухаринской организации или «вредительскую деятельность в пользу иностранных разведок». Жертвами репрессий становились и сами исполнители при неудачном осуществлении очередной политической акции. Кроме того, репрессиям подвергались не только вызывавшие опасения отдельные личности, высказывавшие недовольство положением в стране, но и целые социальные группы. Органы НКВД разоблачали вымышленные националистические движения и молодежные организации.

Основанием для арестов представителей Башнаркомпроса являлись обвинения в проявлении «местного буржуазного национализма». Вредительство «врагов народа» в органах народного образования Башкирии выражалось «в политике изоляции башкирской молодежи от русской культуры, создании препятствий на пути преподавания русского языка и русской литературы в башкирских и татарских школах»²⁶.

Существующие источники свидетельствуют о четкости разработки технологии произвола и беззакония по отношению ко многим деятелям просвещения.

²³ НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. 122. Оп. 17. Д. 54 а. Л. 1.

²⁴ Юлдашбаев Б.Х. Новейшая история Башкортостана. Уфа, 1995. С. 141.

²⁵ Алмаев Р.З. Воспоминания К.К. Азнабаева... С. 14.

²⁶ НА РБ. Ф.122. Оп. 18. Д. 619. Л. 224.

Вопрос о выполнении решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) обсуждался на региональных Пленумах осенью 1937 г. Так, негативная оценка деятельности членов Башкирского обкома и Уфимского горкома по разоблачению врагов народа в Башкирии содержалась в выступлении М.М. Сахьяновой. Она в жесткой форме подвергла критике республиканскую парторганизацию за «отсутствие мобилизованности в борьбе с последствиями вредительства»²⁷, считая неправильным, что эту работу проводят только органы НКВД.

Одновременно 11 сентября 1937 г. проходило собрание актива комсомола города Уфы. Прибывший из Москвы представитель ЦК ВЛКСМ также с присущей для того времени революционной беспощадностью отметил: «Задача сегодняшнего актива вскрыть еще не разоблаченных врагов, а их в Башкирской организации больше, чем где бы то ни было. Почему? Потому, что в Башкирии долго орудовали националисты. Трудно назвать учреждения без разоблаченных врагов народа»²⁸.

Выступления участников партийного пленума и комсомольского актива публиковались в республиканской газете «Красная Башкирия» под емкими заголовками «Обком проходит мимо сигналов о врагах народа», «Гнилая семейственность притупила бдительность», «Нянчились с врагами народа» и др.

Путем формирования образа «врага народа» в советской прессе обеспечивалось воздействие на сознание народных масс. Тональность в разоблачительной политике задавали центральные партийные издания – газеты «Правда», «Известия». Статья в «Известиях» от 22 сентября 1937 г. на тему «Буржуазные националисты из Башкирского Наркомпроса» посвящалась партийным отклонениям в наркомате просвещения. Отмечалось, что новый нарком просвещения И.Х. Абызбаев не только не ликвидировал последствия вредительской деятельности бывшего наркома Г.А. Давлетшина, но и не обеспечил перелома в работе. В ходе пропагандистской кампании культивировался образ классовых врагов в лице руководителей Башнаркомпроса, якобы сознательно препятствовавших изданию учебников русского языка для нерусских школ, разрешавших отказываться от часов русского языка в школьных учебных планах. С помощью подобных мер, как отмечалось, «националисты из Башнаркомпроса» вели подрывную работу по срыву коммунистического воспитания в школах республики²⁹.

Свой вклад в раскрытие внедрившихся в Башнаркомпрос вражеских элементов вносила и местная печать, призывавшая к бдительности и поиску «врагов народа» в органах государственной власти, учебных заведениях. Для этого в средствах массовой информации использовалась идеологическая конструкция «свой – чужой». Так, публикация «Разоблачить остатки буржуазных националистов в Башнаркомпросе» в газете «Башкортостан» от 21 сентября 1937 г. осуждала бывшего наркома Г.А. Давлетшина и замнаркома С.А. Ямалеева за то, что эти «социально чуждые элементы» допустили издание «идеологически чуждых учебников», прежде всего с произведениями объявленных «врагами народа» башкирских

²⁷ Иргалин Г.Д., Каменев Н.П. Трудный путь к правде... С. 5.

²⁸ НА РБ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1150. Л. 33.

²⁹ Солодий Г. Буржуазные националисты из Башкирского Наркомпроса // Известия. 1937. 22 сентября.

писателей Афзала Тагирова, Гайнана Хайри, Даута Юлтыя в ущерб материалам о В.И. Ленине и И.В. Сталине.

Еще одним инструментом политического террора в отношении просвещенцев служили закрытые партийные собрания, которые позволяли органам НКВД усомниться в политической благонадежности того или иного члена партии. Как отмечает исследователь О.Л. Лейбович, отмалчиваться на таких собраниях означало все равно, что признать себя врагом³⁰. Коллективные разоблачения врагов народа становились единственным безопасным способом выживания.

Брошается в глаза существовавшая парадоксальность ситуаций тех лет. Те представители государственного аппарата, кто осуждал и клеймил своих коллег, сам через короткое время обвинялся по схожим основаниям вчерашними товарищами по работе.

Архивные документы демонстрируют примеры того, как под напором коллективных обвинений ломались судьбы честных, ни в чем невинных людей. Например, на протяжении четырех дней, с 19 по 22 сентября 1937 г., первичная партийная организация Башнаркомпроса разоблачала наркома просвещения Башкирской АССР Ибрагима Хафизовича Абызбаева, который не смог противостоять напору обрушившихся на него обвинений со стороны коллег. «В интересах работы Наркомпроса прошу освободить меня от руководства Наркоматом просвещения, – читаем в заявлении Абызбаева в Бюро Башкирского обкома партии. – Хотя факты об обвинении меня еще поверяются, но в Наркомпросе создалось такое положение, что работники аппарата перестали обращаться ко мне по вопросам, относящимся к работе Наркомпроса»³¹. Участь наркома просвещения БАССР, как и других руководителей республики, была определена решением III Пленума Башобкома ВКП(б).

Так выглядели основные механизмы выявления «врагов народа» до арестов органами НКВД. Материалы средств массовой информации и решения закрытых партийных собраний, проникнутые духом идеологической нетерпимости, способствовали формированию общественного мнения в пользу оправдания правомерности арестов. В это время многочисленные трудности и проблемы в сфере образования объяснялись исключительно происками враждебных элементов.

Разоблачение «врагов народа» из Башнаркомпроса

Трагические парадоксы эпохи «всеобщего обучения» затронули всю вертикаль управления образованием страны. В октябре 1937 г. смещается с поста наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнов, а уже в августе 1938 г. он необоснованно был репрессирован как участник правотроцкистского блока.

Руководством системой образования Башкирии в период с 1919 по 1941 гг. занимались 13 наркомов просвещения автономной республики. В условиях политической борьбы подверглись репрессиям семеро из них: А.А. Айдаров (нарком в 1919–1921 гг.), А.К. Адигамов (1923–1924 гг.), А.Т. Гисматуллин (1926–1928 гг.),

³⁰ Лейбович О.Л. Исповеди, проповеди и разоблачения на партийных собраниях 1936–1938 годов // *Вестник пермского университета. История*. 2015. № 3 (30). С. 163.

³¹ НА РБ. Ф. 207. Оп. 19. Д. 26. Л. 4.

К.А. Идельгужин (1928–1930 гг.), Р.В. Абубакиров (1930–1935 гг.), Г.А. Давлетшин (1935–1937 гг.), И.Х. Абызбаев (июль – сентябрь 1937 г.)³². Все они к моменту ареста занимали высокие должности в партийно-государственном аппарате республики.

При разоблачении «врагов народа», обвинениях в «буржуазном национализме» в прессе и вынесении в дальнейшем обвинительных судебных приговоров использовался прием «приклеивания политических ярлыков»; наиболее стандартные из них – принадлежность к «султангалиевщине»³³, «валидовскому движению»³⁴, «контрреволюционной буржуазно-националистической повстанческой террористической организации», а также «двурушничество» и прочее.

В большинстве случаев «антисоветская деятельность» контрреволюционных организаций оказывалась выдуманной. Руководителей образования, как правило, обвиняли в засорении образовательных учреждений классовыми врагами, связях с уже обвиненными во враждебной деятельности шпионами и контрреволюционерами. Так, нарком просвещения Губай Давлетшин обвинялся в назначении преподавателем Давлекановского педагогического техникума члена контрреволюционной организации «Джидегян», известного в будущем башкирского поэта и писателя Сагита Агиша. Впоследствии органы НКВД не подтвердили антисоветского заговора, а «Джидегян» оказалась творческим объединением молодых татарских и башкирских писателей³⁵.

Заместитель наркома просвещения С.Я. Ямалеев получил партийное взыскание, а затем был исключен из партии и репрессирован за то, что «защищал учителя-троцкиста Махова, был двурушником, пробрался в партию, скрыв свое социальное происхождение сына муллы и будучи женатым на дочери зажиточного кулака»³⁶.

Впрочем, двурушником мог оказаться любой человек, не только скрывший свое социальное происхождение, но и членство в небольшевистской партии, или участие во внутрипартийной борьбе 1920-х гг. Поводом для арестов могли стать просто дружеские отношения с людьми, объявленными «врагами народа».

Согласно архивным документам в кульминационный момент кровавых чисток жертвами репрессий осенью 1937 г. стали девять руководителей народного образования республики. К высшей мере наказания – расстрелу приговорили пятерых из них: И.Х. Абызбаева (нарком просвещения), С.Я. Ямалеева (замнаркома), М.С. Камилева (завотделом школ и науки Обкома ВКП (б)), Н.Б. Буланкина (инструктора Обкома союза учителей неполных средних и средних школ), И.С. Домогалова (старшего бухгалтера Башнаркомпроса)³⁷.

Система выдавливала педагогов-профессионалов, специалистов с опытом работы из сферы образования. Кроме того, Башнаркомпрос покинул 21 человек

³² *Ильгамов М.А.* Башкирская энциклопедия. Уфа, 2005–2011. Т. 1. С. 29, 31, 64, 83; Т. 2. С. 304, 408; Т. 3. С. 131.

³³ Султан-Галиев и национальная политика в Советской России // *Vuzlit* – архив студенческих работ [сайт]. URL: https://vuzlit.ru/616898/sultangalievschina_sultangalievizm (дата обращения: 13.08.2019).

³⁴ *Шакуров Р.З.* Башкортостан: краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 20.

³⁵ *Кудашин С.* По следам молодости. Уфа, 1964. С. 36.

³⁶ НА РБ. Ф. 363. Оп. 15. Д. 49. Л. 90.

³⁷ Сведения о репрессированных жителях Уфы // *Вечерняя Уфа*. 1994. апрель – июль.

из числа начальников управления, заведующих отделами, инспекторов. К началу 1938 г. на половину обновляется аппарат БНКП. Бросается в глаза преобладание в составе новой номенклатуры бывших партийно-советских и хозяйственных работников, военных, студентов вузов. Очень мало среди выдвиженцев было директоров педучилищ или учителей³⁸.

Основательная чистка республиканского аппарата управления образованием от социально неблагонадежных элементов проводилась еще в 1930 г. В специально подготовленной инструкции «О порядке персональной чистки аппарата Башнаркомпроса» содержались следующие пункты: «Учесть классовую сторону его работы», «Выявить социальное происхождение», «Выступая на собраниях, предъявлять обвинения на основе конкретных фактов и примеров»³⁹. Вычищенные в аппарате управления лица, чье нахождение на руководящих должностях по классовым соображениям считалось недопустимым, заменялись выдвиженцами рабоче-крестьянского происхождения. Исчерпанность партийных и аппаратных чисток конца 1920-х – начала 1930-х гг. приводит к политике массовых репрессий 1937 г.

Процесс ориентации центральной власти на политически незрелые, но послушные кадры коснулся и партийного состава Башнаркомпроса. Среди нового поколения образовательной номенклатуры Башкирии не осталось членов ВКП(б) с дореволюционным «ленинским стажем». Увеличилась численность коммунистов, вступивших в партию после 1932 г., с 6 человек (24 %) до 9 (45 %). В составе членов партийной организации Наркомпроса только 8 человек (29 %) имели высшее образование. Преобладали руководители со средним и семилетним образованием – 16 человек (57 %), а 4 (14 %) имели только начальное образование⁴⁰.

На командные управленческие должности вместо старых кадров приходит поколение, всецело преданное И.В. Сталину. Проработка партийцами февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП (б) 1937 г. приводила их к пониманию того, что подбор и расстановка кадров должна была проводиться, во-первых, по признаку политического доверия и только, во-вторых, по деловым качествам и профессиональной пригодности к работе⁴¹.

Жесткая ротация кадров затрагивает и районные отделы народного образования. Практически в каждом районе Башкирии заведующие РОНО снимаются с работы или репрессируются. Архивные документы свидетельствуют о разоблачениях и арестах заведующих РОНО: Бакалинского (Юмашева), Давлекановского (Ахмадеева), Калтасинского (Коростина), Мишкинского (Сагадеева), Шаранского (Антипова) районов⁴². Под каток репрессий попадают директора педучилищ и школ, учителя.

После такого удара по кадрам требовалось время для «ликвидации последствий вредительства» в работе органов народного образования Башкирской АССР. Предметом пристального внимания обновленного обкома партии остается развитие высшего и среднего образования. Новым наркомом просвещения БАССР

³⁸ НА РБ. Ф. 122. Оп. 18. Д. 636. Л. 44–49.

³⁹ Там же. Ф. 363. Оп. 8. Д. 6. Л. 25.

⁴⁰ Там же. Оп. 15. Д. 51. Л. 49, 50.

⁴¹ Там же. Л. 49.

⁴² Там же. Ф. 122. Оп. 18. Д. 619. Л. 223.

10 октября 1937 г. назначается выходец из семьи бедного крестьянина Сагид Рахматович Алибаев. При его назначении, видимо, учитывалось не только рабоче-крестьянское происхождение, членство в партии, но и небольшой педагогически-управленческий опыт работы директором Оренбургского педучилища и инструктором отдела школ и науки Башкирского обкома ВКП(б).

Тем не менее, выдвиженец местной политической элиты не избежал обвинений в национализме и в последующем снятия с работы. Инструктор Башнаркомпроса Т.Х. Хусаинов вспоминал: «С.Р. Алибаев отличался прямоотой и принципиальностью, поэтому его недолюбливали многие руководители республики. Его беспокоила судьба башкирских детей. Он стремился сохранить обучение в национальных школах на родном языке»⁴³.

Направленность на преподавание родного языка раздувается в так называемую «гнилую позицию Башнаркомпроса». Под таким заголовком 20 марта 1938 г. в газете «Правда» публикуется соответствующая статья. Прежнее руководство Башнаркомпроса обвиняется во вредительстве и национализме, а в отношении нового во главе с Алибаевым указывалось, что оно «занимается пустыми разговорами, ничего не делая для ликвидации последствий вредительства»⁴⁴. Статья обсуждалась 4 апреля 1938 г. на заседании бюро Башобкома ВКП(б), которое признало ее целиком и полностью отвечающей действительности. Алибаева обвиняли в том, что нарком не проявил «большевистской заботы» по подготовке учителей русского языка для нерусских школ, и что на учительские курсы принимались случайные люди, отказывавшиеся ехать в районы⁴⁵.

По стандартному сценарию, инсценированному первым секретарем Башобкома партии А.Т. Заликиным и председателем СНК БАССР Ф.В. Шагимардановым, в декабре 1938 г. С.Р. Алибаев исключается из партии, снимается с должности наркома просвещения. В постановлении СНК содержится не отличавшаяся новизной формулировка: «за отсутствие большевистской борьбы с последствиями вредительства в системе Наркомпроса и за связь с врагами народа, бывшим наркомом просвещения Р.В. Абубакировым и редактором газеты «Башкортостан» К.К. Азнабаевым»⁴⁶.

Волею судьбы уже через месяц «обвинители» А.Т. Заликин, а чуть позже и Ф.В. Шагимарданов снимаются со своих постов. При отстранении А.Т. Заликина в январе 1939 г. на Пленуме Башобкома представитель ЦК Блохин отметил, что «Алибаев стал жертвой их клеветы»⁴⁷. Пережив трудности предвоенных лет и достойно пройдя фронты Великой Отечественной войны в качестве комиссара 112-й башкирской кавалерийской дивизии, Сагид Алибаев в 1946 г. вновь становится наркомом просвещения БАССР.

Что стояло за тем, что нарком избежал ареста? По утверждению Касима Азнабаева, одного из организаторов журналистики Башкирии (жертвы ложного

⁴³ Хусаинов Тагир Хусинович, инспектор Башнаркомпроса, заслуженный учитель РСФСР, 1912 г.р., г. Уфа, Республика Башкортостан // Архив автора. Запись от 30.01.1996, г. Уфа.

⁴⁴ НА РБ. Ф. 122. Оп. 18. Д. 85. Л. 38.

⁴⁵ Там же. Д. 234. Л. 233.

⁴⁶ Там же. Ф. 4657. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

⁴⁷ Там же. Д. 1. Л. 10.

обвинения, узника сталинских лагерей 1938–1956 гг.), Алибаева спасло следующее. «Став наркомом просвещения он избирается в Верховный Совет, становится депутатом палаты Совета национальностей. Кроме того, в конце 1938 г. спадает волна арестов, начинаются реабилитационные процессы в стране»⁴⁸.

Невольно задаешься вопросом. А можно ли было честным просвещенцам уберечься от репрессий? Опять обратимся к воспоминаниям современников этих противоречивых лет. По мнению Т.Ш. Саяпова, секретаря комсомольского бюро Башгоспединститута (БГПИ) имени К.А. Тимирязева, занимавшего должность ассистента кафедры истории, ему «удалось избежать репрессий благодаря своевременному переходу в сентябре 1937 г. рядовым преподавателем в металлургический рабфак города Уфы. Его преемника, нового секретаря комсбюро института И.М. Гулина долго таскали в НКВД»⁴⁹. То есть, как видим, от репрессий, в первую очередь, пострадали люди, находившиеся на руководящих должностях.

Казалось бы представители новой рабоче-крестьянской номенклатуры 1930-х гг. на местах должны были стать главной опорой руководства страны в период проводимой И.В. Сталиным модернизации. Однако именно региональная управленческая и интеллектуальная элита, склонная к идеям защиты национальной культуры и сохранения родного языка, оказалась невосприимчива к повороту властей к великодержавности. Поэтому, собственно, они и становятся главными жертвами репрессий конца 1930-х гг.

Жертвы политического террора в Башкирском государственном педагогическом институте имени К.А. Тимирязева

Несмотря на отсутствие в республике открытого конфликта между властью и представителями интеллигенции, преподаватели и студенты вузов стали особым объектом репрессий. Более того, именно через систему высшего образования шло формирование новой советской региональной элиты. Поэтому в Башкирии, как и в других национально-государственных образованиях, в 1920–1930-е гг. получила поддержку центра политика коренизации, когда национальные кадры на местах активно привлекались к государственному и культурному строительству. Основы этой политики закладывались в системе образования.

Следует признать, что, несмотря на часто слабые наборы абитуриентов из числа башкир, из стен Башкирского педагогического института вышел цвет довоенной национальной интеллигенции. При этом аудиторные занятия и воспитательную работу в этом учебном заведении вели преимущественно преподаватели с дореволюционным образованием, поскольку подготовка местных национальных кадров занимала долгое время. Среди профессорско-преподавательского состава БГПИ имени К.А. Тимирязева, основанного в 1929 г., выделялись профессора и доценты – выпускники Московского, Петербургского, Львовского университетов, Лазаревско-

---

⁴⁸ Алмаев Р.З. Воспоминания К.К. Азнабаева... С. 14.

⁴⁹ Саяпов Тимир Шаймухаметович, секретарь комсомольского бюро Башгоспединститута имени К.А. Тимирязева, кандидат исторических наук, 1914 г.р., деревня Верхнекарышево Бирского уезда Уфимской губернии // Архив автора. Запись от 25.02.1996, г. Уфа.

го института восточных языков, медресе «Мухаммадия», Народного университета имени Шанявского и других известных учебных заведений царской России⁵⁰.

Партийные органы пристально следили за ними, но допускали в первой половине 1930-х гг. наличие в вузе социально чуждых научно-педагогических кадров, проводя периодические чистки среди такой категории преподавателей. Чистка пединститута от антисоветских элементов достигает своего апогея, как и по всей стране, в 1937 г. Секретари парткомов и многочисленные комиссии начинают игнорировать профессиональные качества преподавателей, информируют вышестоящие организации и органы НКВД о неблагонадежных преподавателях.

Так, в январе 1937 г. в список преподавателей, «не внушающих политического доверия» у секретаря парткома Башпединститута, попадает несколько человек, в их числе декан физико-математического факультета, профессор Е.Н. Грибанов, в «прошлом белый офицер, пытавшийся устроить преподавателем на кафедру, ссыльного из Ленинграда», завкафедрой педагогики Н.Д. Чижов, «по слухам, бывший эсер». К таким преподавателям относился языковед и лингвист Б.Н. Кипарисов, «учившийся до революции на миссионера, просивший выписать заграничную литературу магометанско-религиозного содержания»⁵¹.

На протяжении трагического для советского народа 1937 г. на закрытых партийных собраниях пединститута все чаще выносились постановления и резолюции, обязывающие дирекцию института проводить линию на очищение вуза от враждебных элементов. В этой связи обращалось внимание на усиление контроля над лекциями преподавателей и немедленную чистку библиотеки от контрреволюционной литературы, содержавшую публикации «врагов народа». Не подлежали выдаче также книги на арабском языке.

Свободное мышление преподавателей, их рассуждения, высказывания в адрес опальных политических деятелей, отличавшиеся от общепринятых, трактовались как «контрреволюционные». Так, партсобрание осудило преподавателя Носкова, «читающего лекции не по программе и нахваливающего состояние рыболовства в Норвегии, в отличие от СССР»⁵².

Особое беспокойство у партийной организации института вызывали взгляды и лекции профессора физиологии Л.С. Пирогова, который вместо привития студентам генеральной линии партии восхвалял на своих занятиях Л.Д. Троцкого. В беседе на кафедре с коллегами Пирогов заявил: «Вот ругают троцкистов, как бы бояться, а что в их взглядах плохого?». Получивший ответ, о том, что «троцкисты – это фашисты, и они хотят возврата в нашей стране капитализма», Пирогов продолжил: «Ну чего капиталистам в России делать, откройте все двери и то, не придут. Это пустяки»⁵³.

На другом заседании парткома рассматривалось анонимное заявление доносительского характера в горком партии на преподавателя экономической географии Купраш. Политическая ошибка преподавателя, обвиненного в троцкизме,

⁵⁰ НА РБ. Ф. 122. Оп. 12. Д. 502. Л. 138.

⁵¹ Там же. Ф. 342. Оп. 2. Д. 689. Л. 10.

⁵² Там же. Д. 740. Л. 47.

⁵³ Там же. Д. 689. Л. 40.

заклучалось в рекомендации студентам статьи арестованного политического деятеля, старого большевика К.Б. Радека⁵⁴.

Пристальный контроль партийных органов осуществлялся и за студентами. Кроме изучения их личных дел, на партийных собраниях рассматривались жалобы, как говорили в то время, подозрительные и враждебные «вылазки». К такому относили случаи отказа студентами нести на демонстрациях знамена и портреты вождей.

Типичными для середины 1930-х гг. были прецеденты, когда студенты положительно высказывались в адрес Л.Д. Троцкого. Так, в ходе обсуждения вопроса, касающегося процесса троцкистско-зиновьевского центра, выяснилось, что студент Тайгильдин неоднократно высказывал контрреволюционные взгляды. В беседе с однокурсниками он выразил сомнение в правильности выбора И.В. Сталина вождем партии. По его мнению, «если бы Троцкого не выгнали из страны, именно он мог возглавить советское государство, а политика партии ведет рабочий класс к гибели»⁵⁵. Заслуги Троцкого выделялись и студентом Аксаровым. Обоих не марксистки мыслящих студентов исключили из БГПИ осенью 1936 г.

Бросается в глаза тот факт, что некоторые преподаватели на этих собраниях пытались вести себя достойно, защитить своих коллег и студентов. Например, директор БГПИ М.А. Мендельсон в ходе обсуждения этого вопроса сказал следующее: «Наша задача заключается не только в вылавливании и разоблачении “врагов народа”, но и в воспитании молодых студентов. Необходимо бороться за каждого студента, поддающегося враждебной агитации. Важно, чтобы молодежь не отшатнулась от нас. Мы не можем всех огульно исключать из института»⁵⁶.

Под понятие «жертва репрессий» попадали не только арестованные, но и уволенные из вузов преподаватели, лишившиеся права работать по профессии. Так, еще в 1935 г. дирекция института увольняет с работы административно высланных ранее в Уфу профессора-историка С.А. Покровского и профессора-филолога И.И. Соколова⁵⁷.

Среди лишившихся работы в 1937 г. оказались и те, кто стоял у истоков высшего образования Башкирии – руководители ряда кафедр и факультетов. Это – профессор, декан физико-математического факультета Е.Н. Грибанов, декан естественного факультета С.А. Баранова, зав. кафедрой педагогики Н.Д. Чиждова, профессор физиологии Л.С. Пирогов и многие другие⁵⁸.

Репрессивная политика привела к снятию с работы в августе 1937 г. директора пединститута М.А. Мендельсона «за недостаточную партийную бдительность по протаскиванию некоторыми преподавателями контрреволюционных враждебных идей». Мендельсон не смог противостоять давлению со стороны Башкирского обкома партии. На общем собрании пединститута он производил

⁵⁴ НА РБ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 740. Л. 16.

⁵⁵ Там же. Д. 385. Л. 53.

⁵⁶ Там же. Д. 740. Л. 2.

⁵⁷ *Кульшарипов М.М.* Великий Октябрь и проблема высшего образования в Башкирии // Вопросы культурного строительства в БАСССР (1917–1985 гг.). Межвузовский сборник. Уфа, 1989. С. 6.

⁵⁸ НА РБ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 740. Л. 35, 39.

впечатление обреченного человека, заявив: «Правильно сделал обком, сняв меня с работы, чтобы бить врага и укрепить работу института»⁵⁹.

Предыдущий директор вуза, первый профессор из башкир Ш.С. Абзанов, занимавший эту должность с августа 1931 по май 1935 гг., снимается с должности не только по болезни, но и за «притупление классовой бдительности». Абзанова арестовывают в июне 1937 г. как активного участника «контрреволюционной буржуазно-националистической повстанческой организации». Его расстреляли 10 июля 1938 г. вместе с основной массой руководителей республики на основании обвинительного заключения, вынесенного в ходе судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного суда Союза СССР⁶⁰.

За период с 1935–1937 гг. в Башкирском пединституте сменилось четыре директора: Ш.С. Абзанов, Г.К. Давлетшин, М.А. Мендельсон, М.Я. Янгиров. Все они оказались жертвами репрессий. Под предвоенную реабилитацию попал только М.Я. Янгиров, который руководил пединститутом незначительное время (с августа по ноябрь 1937 г.). Осужденного по 58-й политической статье как «участника контрреволюционной националистической организации» Янгирова спас начавшийся процесс незначительной либерализации карательной политики органов НКВД. Решением Верховного Суда РСФСР «ввиду недостаточности улик для предания суду» М.Я. Янгиров был реабилитирован в июне 1939 г.⁶¹

Согласно опубликованным источникам, в 1937–1938 гг. репрессиям подверглись: профессора Ш.С. Абзанов, А.В. Музычко, Х. Мусаев, С.А. Покровский, преподаватели Г.Я. Давлетшин, К.А. Идельгужин, Б.М. Магасумова, Л.Л. Мансуров, Е.Я. Штабной⁶².

В результате репрессивной политики в БГПИ устанавливается атмосфера подозрительности, недоверия и страха. Основная масса необоснованно репрессированных преподавателей так и не дождалась справедливого суда. Реабилитация репрессированных не носила последовательного и планомерного характера. Эти процессы привели к дефициту квалифицированных профессорско-преподавательских кадров, усложнили учебный процесс, вплоть до срыва выполнения учебных планов.

Воздействие террора на школу

Репрессии затронули и многочисленный корпус учителей республиканских школ. В условиях разрушения традиционных представлений о человеческой морали учителям, имеющим даже высшее образование, становится непросто разобрататься в сложной общественно-политической ситуации. Стереотипное мышление, внедряемое в сознание общества через мощную пропагандистскую машину, должно было стать неотъемлемой частью школьной жизни.

⁵⁹ НА РБ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 740. Л. 38.

⁶⁰ *Ергин Ю.В.* Ш.С. Абзанов – жертва тоталитарного сталинского режима // Педагогический журнал Башкортостана. 2007. № 4 (11). С. 90.

⁶¹ НА РБ. Ф. 122. Оп. 18. Д. 1444. Л. 31.

⁶² Сведения о репрессированных жителях Уфы // *Вечерняя Уфа*. 1994. апрель – июль; *Кульшарипов М.М.*, Низамов А.Г. История Башкирского государственного университета. Уфа, 1997. С. 39.

Верили ли школьные учителя в существование сотен тысяч настоящих, а не вымышленных «врагов народа»? Современник этих событий Б.И. Северинов, назначенный в 1938 г. директором средней школы № 19 г. Уфы, вспоминает: «В 1930 г., с первого дня работы учителем, я приобрел десятитомную “Малую советскую энциклопедию” 1929 года издания. После расстрелов разоблаченных политических деятелей, известных революционеров, мне пришлось своей рукой исчеркать и исписать ее словами «шпион, расстрелян такого-то года, числа». В том, что они – враги народа, нисколько не сомневался. Сомнения появились, когда в стране началась массовая шпиономания»⁶³.

Чуть не попал под репрессии 1937 г. еще один представитель этой эпохи – Т.Х. Хусаинов, получивший должность директора средней школы № 60 города Черниковска после окончания Казанского университета. Он среди ночи был срочно вызван в комендатуру. Неточность в тексте транспаранта, украсившего фасад школы, едва не превратила его во врага народа. Недовольство представителей власти вызвало отсутствие в плакате «Да здравствует непобедимое дело К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина!», написанном на русском и башкирском языках, имени И. Сталина. Помогла находчивость молодого педагога. На вопрос коменданта: «Ты что, не считаешь Сталина продолжателем дела Маркса, Энгельса и Ленина?», молодой педагог ответил: «Этот лозунг из речи товарища Сталина на XVII съезде партии. Мое упущение, что внизу не дописали принадлежность слов вождю»⁶⁴.

В условиях катастрофической нехватки учителей в Башкирской АССР партийные комиссии обвиняли руководителей гор(рай)оно в засоренности школ вражескими элементами. Местных руководителей образования привлекали к партийной ответственности за принятие на учительскую работу административно высланных из Москвы и Ленинграда лиц с опытом педагогической работы.

Бросается в глаза классовая направленность тематики учительских партийных собраний: «Правые отщепенцы – защитники реставрации капитализма», «Революционная бдительность и подъем партийной работы», «О некоторых приемах иностранной разведки» и др. Например, в протоколах партийного собрания средней школы №3 города Уфы обращалось внимание на повышенный интерес к троцкистской литературе. В связи с чем секретарь партийной организации обозначил свою позицию: «Преподавание истории в школе, особенно в старших классах, надо поставить таким образом, чтобы выявить мнения учащихся, неверные рассуждения разбить»⁶⁵.

В большей степени классовый, чем образовательный характер носила государственная аттестация учителей 1936-1938 гг. В сентябрьской 1937 г. резолюции Башкирского обкома партии отмечался формальный и бюрократический характер аттестации учителей Башкирии. Требовалось обратить внимание на пересмотр решений аттестационных комиссий, руководимых разоблаченными «врагами на-

⁶³ Северинов Борис Иосифович, директор средней школы № 19 г. Уфы, заслуженный учитель РСФСР, 1911 г.р. г. Уфа, Республика Башкортостан // Архив автора. Запись 25.08.1997. г. Уфа.

⁶⁴ Хусаинов Тагир Хусинович, инспектор Башнаркомпроса, заслуженный учитель РСФСР, 1912 г.р., г. Уфа, Республика Башкортостан // Архив автора. Запись от 30.01.1996, г. Уфа.

⁶⁵ НА РБ. Ф. 342. Оп. 2. Д. 754. Л. 9.

рода» – Р.В. Абубакировым, Г.А. Давлетшиным, И.Х. Абызбаевым, С.Я. Ямалеевым, М.Д. Голдыревым.

Преступным отношением к аттестации назывались случаи, когда звание учителя присваивалось, основываясь, в первую очередь, на профессиональных качествах педагогов, а не на обстоятельствах политического свойства. Тем самым, по мнению контролирующих высших партийных органов, аттестация использовалась для развала школы. В частности, председатели аттестационных комиссий многих городов и районов освобождали от работы учителей башкирской национальности, преподавателей – членов ВЛКСМ, по причине их непрофпригодности, присваивая звание учителя бывшим белогвардейцам, членам контрреволюционных организаций⁶⁶.

Составы аттестационных комиссий подлежали пересмотру не позднее 10 октября 1937 г. после исключения из них лиц, не оправдавших себя по деловым и политическим признакам. Для исключения подобного в будущем требовалось перестроить работу Наркомпроса БАССР таким образом, чтобы до утверждения материалов аттестационных комиссий наркомом просвещения Башкирии они должны были рассматриваться начальниками управлений начальной и средней школы.

Рост количества увольнений учителей пришелся на 1937 г. Уволенных в ходе переаттестации учителей можно разделить на три группы: с социально-чуждым происхождением и антисоветскими взглядами; недостаточной квалификацией и низким уровнем образования; и морально разложившихся в быту.

Под аресты органами НКВД попадали учителя из первой группы, выделявшиеся своим происхождением, антибольшевистским прошлым, антисоветскими взглядами. Так, в судебные органы были переданы материалы на учителя Нуримановского района, служившего в личной охране А.В. Колчака. Антисоветское поведение директора Исянгуловской средней школы Зиянчурина района Б.М. Борисова заключалось в его «плаче во время объявления приговора над троцкистами и вывешивании в школе портретов «врагов народа»».

Классово-враждебное влияние учителей на учащихся города Уфы выражалось в протаскивании на уроки рисования антисоветских орнаментов, в требовании выдачи в библиотеке троцкистской литературы⁶⁷. Например, учительница школы № 3 города Уфы Брешкова заявила о необходимости ей трудов Бухарина, Зиновьева и Троцкого для подготовки к урокам и рекомендовала эти книги учащимся. А.А. Перкон, преподавательницу этой же школы, исключили из рядов ВКП(б) как голосовавшую в 1923 г. за троцкистскую платформу⁶⁸.

Еще одним основанием для политических увольнений учителей служили письма-доносы во власть со стороны коллег. В архивных источниках можно обнаружить подробные и подписанные заявления-жалобы в СНК и ЦИК БАССР учителей на директоров школ. Подобные сигналы содержали информацию о сокрытии социального происхождения, родственных связей за границей, помощи в устройстве на работу лиц, лишенных избирательных прав, а также об антисоветских высказываниях.

⁶⁶ НА РБ. Ф. 122. Оп. 18. Д. 624. Л. 157.

⁶⁷ Там же. Л. 133.

⁶⁸ Там же. Ф. 342. Оп. 2, Д. 754. Л. 20, 62.

Характерный пример – письмо-донос учителя Кучербаевской неполной средней школы Благоварского района на своего директора школы Усманова. Главное обвинение – в подборе классово-чуждых элементов в школе – учителей – детей мулл и кулаков – подкреплялось сопутствующими – в притеснении молодых учителей-комсомольцев и членов партии, в дореволюционном образовании директора, несоответствующем требованиям времени (он являлся выпускником медресе «Гусманья»). Реакцией Башнаркомпроса на письмо стало снятие Усманова с должности директора школы⁶⁹. По утверждению исследователя А.И. Савина, тем самым авторы писем «демонстрировали свою советскую идентичность, через выражение своей непримиримости ко всему чуждому и враждебному»⁷⁰.

Нехватка подготовленных кадров во всех сферах общества, включая образование, вынудила центральные власти, подвергнуть критике «ошибочные» исключения из партии и увольнения с работы. Постановление январского 1938 г. пленума ЦК ВКП (б) «Об ошибках парторганизаций при исключении из партии» позволило восстановить в партии отдельных педагогов и закрыть учительские вакансии во многих школах республики за счет возвращения уволенных.

Обоснованием для увольнения учителей служила и формулировка «разоблачен, как враг народа». Архивные документы свидетельствуют о том, что практически в каждом городе и районе республики учителя разоблачались как «враги народа». Причем многие из них репрессировались без судебного разбирательства, не попадая ни в какие списки. Источники позволяют установить наличие небольшой доли учителей республики, оказавшихся жертвами политических репрессий.

Согласно неполным данным, опубликованным в 1994 г. по городу Уфе, за весь период репрессий пострадало 42 педагогических работника из числа учителей и директоров, 52 % из которых были женщины. По национальному признаку среди осужденных преобладали русские – 66 %; далее шли белорусы – 7 %; татары, башкиры, латыши, немцы, поляки – по 4 %; евреи – 2 %. По годам размах политических репрессий составлял: 1936 г. – 9 %, 1937 г. – 35 %, 1938 г. – 38 %. Аресты в основном связывались с причастностью к троцкистско-зиновьевскому блоку. Всех учителей осудили по 58-й статье. Преобладали также пункт 10 (за контрреволюционную, антисоветскую пропаганду и агитацию) – 54 % и пункт 12 (несообщение о преступлении) – 28 %. В группе расстрелянных учителей оказались только мужчины⁷¹.

По мнению американского ученого Е. Томаса Юинга, учителя пострадали меньше других представителей профессиональных групп, составляя около 3 % репрессированных по стране⁷². Во многом это объяснялось молодостью и аполитичностью большинства учителей. Власть настораживала их политическая беспечность, недовольство материальным положением, но серьезной угрозы безопасности страны они не представляли. Поэтому репрессии для учителей в те годы в большей степени выразились в увольнениях.

⁶⁹ НА РБ. Ф. 342. Оп. 3. Д. 2103. Л. 4.

⁷⁰ Савин А.И. Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2016. Т. 15. № 8. С. 140.

⁷¹ Сведения о репрессированных жителях Уфы // *Вечерняя Уфа*. 1994. апрель – июль.

⁷² Юинг Е.Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы... С. 238.

Выводы

Репрессии 1937–1938 гг. в Башкирской АССР носили организованный и целенаправленный характер. Одним из главных оснований для предъявления обвинений к руководящим работникам национальных автономных республик стало проявление «местного буржуазного национализма». Такие обвинения использовались применительно к местной номенклатуре и национальной интеллигенции. Причем признаки понятия «буржуазный национализм» носили достаточно обтекаемый характер. «Буржуазным националистом» в широком смысле слова могли объявить любого гражданина, имевшего «бывшее» социальное происхождение или друзей из их числа.

Сталинская власть, насаждая свою моноидеологию, очищала партийно-государственные органы республики от «националистов», прямо или косвенно связанных с представителями «национально-местнических уклонов» революционных лет – А.З. Валидовым, М.Л. Муртазиным, М.Х. Султан-Галиевым и другими, чьи взгляды на национальное устройство СССР отличались от официально принятых. Дискредитация наркомов просвещения путем сбора компрометирующих материалов давала возможность для фальсификации дел об их причастности к контрреволюционным буржуазно-националистическим организациям. Политика республиканских наркомов по развитию обучения в национальных школах на родном языке представлялась в официальных средствах массовой информации и директивных документах как «гнилая позиция Башнаркомпроса».

В условиях раннесоветского общества региональная управленческая элита и интеллигенция испытали на себе методы выявления «врагов народа» до ареста органами НКВД. Наблюдалась определенная синхронность в действиях Башкирского обкома партии, прессы, партийных комитетов образовательных учреждений, НКВД при разоблачении «враждебных элементов», троцкистов из числа руководителей просвещения, специалистов высшей школы, учителей.

Эволюционировали методы воздействия на педагогическую интеллигенцию: от административных наказаний и увольнений в первой половине 1930-х гг. до уголовных преследований в 1936–1938 гг. В ходе репрессий больше других пострадали представители системы образования, занимавшие руководящие должности. В условиях осуществления широкомасштабного советского образовательного проекта учительство, не избежавшее увольнений и арестов, вынужденно придерживалось политической индифферентности. Страх, пережитый людьми в годы террора, приводил к взаимному недоверию, подозрительности, деформировал психологию как педагогов, так и учащихся, подрывая уважение к человеку как к личности.

Рукопись поступила: 17 сентября 2019 г.

Submitted: 17 September 2019

Библиографический список

- Азнабаев К.К.* Все выдержал... и в народ свой верю // Урал. 1989. № 1. С. 158–167.
Азнабаев К.К. Страницы истории // Башкортостан. 1995. 15 ноября.

- Алмаев Р.З. Воспоминания К.К. Азнабаева как источник по истории народного образования Башкортостана // На изломе XX века: сборник воспоминаний. Уфа: Гилем, 2008. С. 9–14.
- Багдасарян Э.В. Загадочный тридцать седьмой: опыт историографического моделирования // Историография сталинизма. М.: РОССПЭН, 2007. С. 172–206.
- Баранец В.М. «Не надо вешать всех собак на Сталина» // Комсомольская правда. 2006. 22 декабря.
- Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010. 447 с.
- Воронцова Ю.С. Социально-политический облик гуманитарной интеллигенции Башкирской АССР в 30-е годы XX века // Научный диалог. 2016. № 3 (51). С. 171–181.
- Гарипова Г. Масштабы репрессий в Башкортостане в 30-е годы // Ватандаш. 2002. № 2. С. 41–44.
- Голдман В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина: Социальная динамика репрессий. М.: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»; РОССПЭН, 2010. 334 с.
- Давлетшин Р.А. «Великий перелом» и трагедия крестьянства Башкортостана. Уфа: Китап, 1993. 160 с.
- Ергин Ю.В. Ш.С. Абзанов – жертва тоталитарного сталинского режима // Педагогический журнал Башкортостана. 2007. № 4 (11). С. 75–90.
- Ергин Ю.В. Расстрелянный нарком (К 115-летию со дня рождения Г.К. Давлетшина) // Педагогический журнал Башкортостана. 2008. № 6 (19). С. 108–123.
- Ергин Ю.В. А.Т. Гисматуллин – нарком просвещения Башкирской республики в 1926–1928 годах // Педагогический журнал Башкортостана. 2010. № 5 (30). С. 159–168.
- Жуков Ю.Н. Иной Сталин: Политические реформы в СССР в 1935–1937 гг. М.: Концептуал, 2003. 368 с.
- Земсков В.Н. Масштаб политических репрессий в СССР (правда и домыслы). М.: Институт российской истории РАН, 2012. 506 с.
- Ильгамов М.А. Башкирская энциклопедия. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005–2011. 623 с.
- Иргалин Г.Д. Сталинские репрессии в Башкирии // Страницы истории Башкирской республики: новые факты, взгляды, оценки. Сборник статей. Уфа: Издательство Башкортостан, 1991. С. 55–69.
- Иргалин Г.Д., Асабин Е.П. Возвращенные имена: О репрессированных в годы культа личности Сталина в Башкирии. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1991. 272 с.
- Иргалин Г.Д., Каменев Н.П. Трудный путь к правде. Уфа: Китап, 1997. 271 с.
- Каримов К.К. Репрессии ученых в БАССР в 30-е годы XX века // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18. № 1. С. 259–261.
- Кириллов В.М. История сталинизма в школьных учебниках истории // Детская книга и история отечества: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Тагил, 19 мая 2016 г.). Нижний Тагил: Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2017. С. 84–91.
- Кузнецов С.В. Некоторые страницы репрессий 1930-х годов в Башкирской АССР // Вестник ВЭГУ. 2011. № 6. С. 87–92.
- Кудаш С. По следам молодости. Уфа: Башкнигоиздат, 1964. 192 с.
- Кульшарипов М.М. Великий Октябрь и проблема высшего образования в Башкирии // Вопросы культурного строительства в БАССР (1917–1985 гг.). Межвузовский сборник. Уфа: БГУ, 1989. С. 3–12.
- Кульшарипов М.М., Низамов А.Г. История Башкирского государственного университета. Уфа: БГУ, 1997. 197 с.
- Лейбович О.Л. Исповеди, проповеди и разоблачения на партийных собраниях 1936 – 1938 годов // Вестник Пермского университета. История. 2015. № 3 (30). С. 160–168.
- Максимов К.Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М.: Наука, 2004. 309 с.
- Павлова И.Н. «Понимание сталинской эпохи и позиция историка» // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 3–18.

- Разаков Р.Ч.-М. К вопросу о политических репрессиях в Дагестане в 30-е годы XX века // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2016. № 4. С. 60–63.
- Савин А.И. Письма во власть как специфическая форма политической адаптации советских граждан в 1930-е годы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 8. С. 133–145.
- Сануков К. Н. Из истории Марий Эл: трагедия 30-х годов. Йошкар-Ола: Марийский госуниверситет, 2000. 195 с.
- Солодий Г. Буржуазные националисты из Башкирского Наркомпроса // Известия. 1937. 22 сентября.
- Султанбеков Б.Ф., Хакимзянов Р.Г. Политические репрессии в Татарстане. Законы. Исполнители. Реабилитация. Казань: Правозащитный центр, 2002. 145 с.
- Фицпатрик Ш. Как мыши kota хоронили. Показательные процессы в сельских районах СССР в 1937 г. // Судьбы российского крестьянства. М.: РГГУ, 1996. С. 387–415.
- Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2010. 432 с.
- Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД, советское общество. М.: Республика, 1992. 268 с.
- Хлевнюк О.В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии. Историческая наука и образование на рубеже веков. М.: Собрание, 2004. 451 с.
- Хлевнюк О.В. Номенклатурная революция: региональные руководители в СССР в 1936–1939 гг. // Российская история. 2016. № 5. С. 36–52.
- Шарин М.С. Политические репрессии в СССР в 30–40-е гг. XX века глазами современного российского общества. Опыт социологического опроса // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 1. С. 117–120.
- Шакуров Р.З. Башкортостан: краткая энциклопедия. Уфа: ГУ РБ НИ Башкирская энциклопедия, 1996. 672 с.
- Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М.: Московская школа политических исследований, 2006. 606 с.
- Юинг Е.Т. Учителя эпохи сталинизма: власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2011. 362 с.
- Юлдашбаев Б.Х. Новейшая история Башкортостана. Уфа: Китап, 1995. 288 с.
- Янтурин Д.Х. Массовые репрессии второй половины 30-х гг. в автономиях Урало-Поволжья // Ватандаш. 2004. № 1. С. 53–67.

References

- Aznabayev, K.K. “Vse vyderzhal... i v narod svoyu veruy.” *Ural*, no. 1 (1989): 158–167 (in Russian).
- Aznabayev, K.K. “Stranitsy istorii.” *Bashkortostan*. November 15, 1995 (in Russian).
- Almayev, R.Z. “Vospominaniya K.K. Aznabayeva kak istochnik po istorii narodnogo obrazovaniya Bashkortostana.” In *Na izlome XX veka: sbornik vospominaniy*, 9–14. Ufa: Gilem Publ., 2008 (in Russian).
- Bagdasaryan, E.V. “‘Zagadochnyy tridtsat’ sed’moy’: opyt istoriograficheskogo modelirovaniya.” In *Istoriografiya stalinizma*, 172–206. Moscow: ROSSPEN Publ., 2007 (in Russian).
- Baranets, V.M. “«Ne nado veshat’ vseh sobak na Stalina».” *Komsomol’skaya Pravda*. December 22, 2006 (in Russian).
- Garipova, G. “Masshtaby repressiy v Bashkortostane v 30-ye gody.” *Vatandash*, no. 2 (2002): 41–44 (in Russian).
- Goldman, V.Z. *Terror i demokratiya v epokhu Stalina: Sotsial’naya dinamika repressiy*. Moscow: Prezidentskiy tsentr B. N. Yel’tsin Publ.; ROSSPEN Publ., 2010 (in Russian).
- Davletshin, R.A. *‘Velikiy perelom’ i tragediya krest’yanstva Bashkortostana*. Ufa: Kitap Publ., 1993 (in Russian).
- П’гамов, М.А. *Bashkirskaya entsiklopediya*. Ufa: Bashkirskaya entsiklopediya Publ., 2005–2011 (in Russian).

- Irgalin, G.D. “Stalinskiye repressii v Bashkirii.” In *Stranitsy istorii Bashkirskoy respubliki: novyye fakty, vzglyady, otsenki. Sbornik statey*, 55–69. Ufa: Bashkortostan Publ., 1991 (in Russian).
- Irgalin, G.D., and Asabin, Ye.P. *Vozvrashchennyye imena: O repressirovannykh v gody kul'ta lichnosti Stalina v Bashkirii*. Ufa: Bashkir Book Publ., 1991 (in Russian).
- Irgalin, G.D., and Kamenev, N.P. *Trudnyy put' k pravde*. Ufa: Kitap Publ., 1997 (in Russian).
- Khaustov, V., and Samuel'son, L. *Stalin, NKVD i repressii 1936–1938 gg.* Moscow: ROSSPEN Publ., 2010 (in Russian).
- Karimov, K.K. “Repressii uchenykh v BASSR v 30-ye gody XX veka.” *Bulletin of Bashkir University* 18, no. 1 (2013): 259–261 (in Russian).
- Khlevnyuk, O.V. *1937-y: Stalin, NKVD, sovetskoye obshchestvo*. Moscow: Respublika Publ., 1992 (in Russian).
- Khlevnyuk, O.V. *‘Bol'shoy terror’ 1937–1938 gg. kak problema nauchnoy istoriografii. Istoricheskaya nauka i obrazovaniye na rubezhe vekov*. Moscow: Sobraniye Publ., 2004 (in Russian).
- Khlevnyuk, O.V. “Nomenklaturnaya revolyutsiya: regional'nyye rukovoditeli v SSSR v 1936–1939 gg.” *Russian History*, no. 5 (2016): 36–52 (in Russian).
- Kirilov, V.M. “Istoriya stalinizma v shkol'nykh uchebnikakh istorii.” In *Detskaya kniga i istoriya otechestva: materialy IX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. (Nizhniy Tagil, 19 maya 2016 g.)*, 84–91. Nizhniy Tagil: FGAOU VO, 2017 (in Russian).
- Kuznetsov, S.V. “Nekotoryye stranitsy repressiy 1930-kh godov v Bashkirskoy ASSR.” *Vestnik VEGU*, no. 6 (2011): 87–92 (in Russian).
- Kudash, S. *Po sledam molodosti*. Ufa: Bashknigoizdat Publ., 1964 (in Russian).
- Kul'sharipov, M.M. “Velikiy Oktyabr' i problema vysshego obrazovaniya v Bashkirii.” In *Voprosy kul'turnogo stroitel'stva v BASSR (1917–1985 gg.)*. *Mezhvuzovskiy sbornik*, 3–12. Ufa: BGU Publ., 1989 (in Russian).
- Kul'sharipov, M.M., and Nizamov, A.G. *Istoriya Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ufa: BGU Publ., 1997 (in Russian).
- Leybovich, O.L. “Ispovedi, propovedi i razoblacheniya na partiynykh sobraniyakh 1936–1938 godov.” *Vestnik of Perm University. History*, no. 3 (30) (2015): 160–168 (in Russian).
- Maksimov, K.N. *Tragediya naroda: Repressii v Kalmykii. 1918–1940-ye gody*. Moscow: Nauka Publ., 2004 (in Russian).
- Pavlova, I.N. “«Ponimaniye stalinskoy epokhi i pozitsiya istorika.»” *Issues of History*, no. 10 (2002): 3–18 (in Russian).
- Razakov, R.CH.-M. “K voprosu o politicheskikh repressiyakh v Dagestane v 30-ye gody XX veka.” *Vestnik of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*, no. 4 (2016): 60–63 (in Russian).
- Yanturin, D.Kh. “Massovyye repressii vtoroy poloviny 30-kh gg. v avtonomiyakh Uralo-Povolzh'ya.” *Vatandash*, no. 1 (2004): 53–67 (in Russian).
- Yergin, Yu.V. “Sh.S. Abzanov – zhertva totalitarnogo stalinskogo rezhima.” *Journal of Bashkir State University*, no. 4 (11) (2007): 75–90 (in Russian).
- Yergin, Yu.V. “Rasstrelyannyy narkom (K 115-letiyu so dnya rozhdeniya G.K. Davletshina).” *Journal of Bashkir State University*, no. 6 (2008): 108–123 (in Russian).
- Yergin, Yu.V. “A.T. Gismatullin – narkom prosveshcheniya Bashkirskoy respubliki v 1926–1928 godakh.” *Journal of Bashkir State University*, no. 5 (30) (2010): 159–168 (in Russian).
- Yuing, Ye.T. *Uchitel'ya epokhi stalinizma: vlast', politika i zhizn' shkoly 1930-kh gg.* Moscow: ROSSPEN Publ., 2011 (in Russian).
- Yuldashbayev, B.Kh. *Noveyshaya istoriya Bashkortostana*. Ufa: Kitap Publ., 1995 (in Russian).
- Zhukov, Yu.N. *Inoy Stalin: Politicheskkiye reformy v SSSR v 1935–1937 gg.* Moscow: Kontseptual Publ., 2003 (in Russian).
- Zemskov, V.N. *Masshtab politicheskikh repressiy v SSSR (pravda i domysly)*. Moscow: Institut rossiyskoy istorii RAN Publ., 2012 (in Russian).

- Savin, A.I. "Pis'ma vo vlast' kak spetsificheskaya forma politicheskoy adaptatsii sovetskikh grazhdan v 1930-ye gody." *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology* 15, no. 8 (2016): 133–145 (in Russian).
- Sanukov, K.N. *Iz istorii Mariy El: tragediya 30-kh godov*. Yoshkar-Ola: Mariyskiy gosuniversitet Publ., 2000 (in Russian).
- Sharin, M.S. "Politicheskiye repressii v SSSR v 30–40-ye gg. XX veka glazami sovremennogo rossiyskogo obshchestva. Opyt sotsiologicheskogo oprosa." *The Humanities and Education*, no. 1 (2013): 117–120 (in Russian).
- Shakurov, R.Z. *Bashkortostan: kratkaya entsiklopediya*. Ufa: GU RB NI Bashkirskaya entsiklopediya Publ., 1996 (in Russian).
- Solodiy, G. "Burzhuznyye natsionalisty iz Bashkirskogo Narkomprosa." *Izvestiya*. September 22, 1937 (in Russian).
- Sultanbekov, B.F., and Khakimzyanov, R.G. *Politicheskiye repressii v Tatarstane. Zakony. Ispolniteli. Reabilitatsiya*. Kazan': Pravozashchitnyy tsentr Publ., 2002 (in Russian).
- Fitspatrik, Sh. "Kak myshi kota khoronili. Pokazatel'nyye protsessy v sel'skikh rayonakh SSSR v 1937 g." In *Sud'by rossiyskogo krest'yanstva*, 387–415. Moscow: RGGU Publ., 1996 (in Russian).
- Eppelbaum, E. *GULAG. Pautina Bol'shogo terrora*. Moscow: Moscow School of Political Studies Publ., 2006 (in Russian).
- Vert, N. *Terror i besporyadok. Stalinizm kak sistema*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010 (in Russian).
- Vorontsova, Yu.S. "Sotsial'no-politicheskiy oblik gumanitarnoy intelligentsii Bashkirskoy ASSR v 30-ye gody XX veka." *Scientific Dialogue*, no. 3 (2016): 171–181 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Алмаев Рустам Закирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы.

Rustam Z. Almaev, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Associate Professor at the Department of Russian History, Bashkir State Pedagogical University named after M. Ak-mullah.